

О. В. СЕДЕЛЬНИКОВА

О ФОРМИРОВАНИИ ПОЧВЕННИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В МИРОВОЗЗРЕНИИ РАННЕГО ДОСТОЕВСКОГО

О мировоззрении Достоевского написано немало. За более чем столетний период изучения его наследия все тщательно исследовано, описано и проанализировано. Однако некоторые вопросы требуют уточнений, и в том числе широко распространенное мнение о том, что концепция почвенничества, в значительной мере определившая своеобразие мировоззрения зрелого Достоевского, формируется в результате нравственно-этического потрясения, пережитого им на каторге и в ссылке. Таким образом, этот важный этап жизни писателя принято считать гранью между двумя совершенно противоположными по сути исканий периодами его жизни: политическим радикализмом и идеями революционного преобразования русской жизни в 1840-е годы и зрелым консерватизмом, возвратом к православию, к пониманию самобытности исторического пути русского народа.

Безусловно, после объявления приговора, на каторге и в ссылке в мировоззрении Достоевского произошли важные изменения, но случилось это не вдруг. Идеи, заложившие основу почвенничества, коренятся в эпохе учения и становления. Каторга и ссылка не переломили Достоевского, а лишь углубили убеждения, жившие в нем с детства, дали широкое знание народа, национальных типов, способствовали постижению сути русской души и уяснению своеобразия национального бытия, как говорил об этом сам писатель (28, 208—209).

Усиление демократических тенденций и антикрепостнических настроений было важнейшим направлением развития русской общественной жизни 1840-х годов XIX в. Этому способствовали разные факты: от обострения социально-политических противоречий российской жизни до революционных событий в Европе. По словам А. И. Герцена, «с 1842 г. главным занятием мыслящих русских было обдумывание способа раскрепощения крестьян. Все другие задачи зависели от этого».¹ Это обусловило пристальное внимание русской интеллигенции к новейшим западным утопическим теориям, остро ставившим проблему социального нера-

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 12. С. 78.

венства и к тому же рисовавшим пусть фантастический, но такой манящий идеал будущей жизни без зла и страданий, в гармонии и братской любви.

Достоевский, еще в юности впитавший социалистические идеалы (как он сам их определял) Жорж Санд (23, 34, 37) и реализовавший свой демократизм и любовь к людям в романе «Бедные люди», с готовностью и восторгом внял горячей проповеди В. Г. Белинского: «Я страстно принял тогда все учение его» (21, 12), — писал он позднее. Действительно, молодой писатель, как и многие тогда, был увлечен этими идеями. Познакомившись с В. Н. Майковым и братьями Бекетовыми, он участвует в организованной ими «бытовой ассоциации» с общей кассой и библиотекой.² Однако характер интереса молодого Достоевского к утопическим доктринам требует уточнения, поскольку их широкая популярность среди молодого поколения была знаком времени, и этот факт сам по себе еще не свидетельствует о радикализме взглядов писателя.

А. П. Милюков, приятель Достоевского по кружку Дурова и позднее, в 1860-е годы, особо подчеркивает в своих мемуарах, что внимание к общественно-политическим проблемам современности было закономерным следствием осознания противоречивых процессов общественной жизни, шедших в России и за ее пределами, глубокого кризиса российской государственности. В то время как по Европе прокатилась волна восстаний и революций, росли и множились либеральные идеи и социальные программы, в России с каждым днем усиливалась реакция, вводились новые и новые запреты, что лишь обостряло интерес к европейским событиям и идеям и усугубляло недовольство условиями русской жизни: «Понятно, — пишет Милюков, — как это все действовало раздражительно на молодых людей, которые, с одной стороны, из проникающих из-за границы книг знакомились не только с либеральными идеями, но и с самыми крайними программами социализма, а с другой — видели у нас преследование любой мало-мальски свободной мысли».³ И сам Достоевский в объяснении следственной комиссии подчеркивает необходимость осмысления европейских процессов и изучения новых теорий для любого мыслящего русского, потому что это история, в которой все взаимосвязано, и опыт осмысления европейских событий необходим для уяснения дальнейшего пути развития России, способов преодоления кризиса русского жизни. «На Западе происходит зрелище страшное, разыгрывается драма беспрецедентная. Трещит и сокрушается вековой порядок вещей. Самые основные начала общества грозят каждую

² См. об этом: Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском // Русский вестник. 1885. № 4. С. 796—819; 28, 134, 18, 311; Кирпичин В. Я. Ф. М. Достоевский: Творческий путь. 1821—1859. М., 1960. С. 411.

³ Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 170—171.

минуту рухнуть и увлечь в своем падении всю нацию. Тридцать шесть миллионов людей каждый день ставят словно на карту всю свою будущность, имение, существование, свое и детей своих! И эта картина не такова, чтоб возбудить внимание, любопытство, любознательность, потрясти душу? Это тот самый край, который дал нам всю науку, образование, цивилизацию европейскую; такое зрелище — урок! Это, наконец, история, а история — наука будущего. И после этого неужели обвинят нас, которым дали известную степень образования, в которых возбудили жажду знания и науки, — неужели обвинят нас в том, что мы имели столько любопытства, чтоб говорить иногда о Западе, о политических событиях, читать современные книги, приглядываться к движению западному, даже изучать его по возможности?» (18, 122). Эти слова Достоевского близки взглядам В. Н. Майкова, считавшего необходимым критическое переосмысление опыта европейской науки и истории для лучшего осознания путей преодоления кризиса российской жизни. И это не случайно; будучи участником кружка Майковых, Достоевский испытал серьезное воздействие идей молодого критика, диалектичности его взглядов.

Увлечение идеями утопического социализма не только у Достоевского, но и у большинства «русских мальчиков» не было руководством к действию, его попросту не содержалось в этих теориях, столь близких христианской идее братства. Это было своего рода воплощением идеи «золотого века», мечтой о земном рае, «царстве Божиим на земле». Зачастую эти теории и воспринимались как переработанное и улучшенное с точки зрения современности христианство. Книга одного из идеологов утопического социализма Сен-Симона так и называлась «Новое христианство» (1825). В основе ее лежала идея братства всех людей на земле и поиска утраченной в процессе исторического развития общности между отдельными людьми и целыми нациями. По мнению исследователей, именно в этой поэтической чистоте и нравственной высоте утопических идей заключалась их притягательность для художников.⁴ Подобная сущность теорий утопического социализма обусловила и тип сознания увлеченных ими людей, которые не призывали к активным действиям и насильственному изменению мира, а лишь мечтали о прекрасном будущем и размышляли о возможностях разумного, постепенного изменения мироустройства. При этом важно отметить, что на подобном романтическом, мечтательном характере восприятия и осмысления утопических идей настаивали люди, находившиеся в центре общественной жизни 1840-х годов. Историк К. Д. Кавелин, бывший в молодости одним из участников кружка Белинского, писал, характеризуя увлечения тех лет: «Мы мечтали о лучшем будущем, не формулируя положительно, каким

⁴ Комарович В. Юность Достоевского // Былое. 1924. № 23. С. 8; Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л., 1988. С. 31—32.

оно должно быть».⁵ А Достоевский спустя многие годы в «Дневнике писателя» вспоминал: «Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. Политического социализма тогда еще не существовало в Европе, и европейские коноводы социалистов даже отвергали его (...). Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации» (21, 130). Правомерность этого высказывания подтверждает и тип героя — мечтателя, абсолютно чуждого радикализма, к осмыслению которого обращается Достоевский в большинстве произведений второй половины 1840-х годов.

Таким образом, это был лишь закономерный интерес к европейской социальной науке и истории, мечта о гармоничном будущем, не влекущая за собой никаких программ претворения в жизнь. Следственные документы по делу петрашевцев содержат ряд высказываний Достоевского о том, что все эти идеи ни в коей мере не могут быть применены на практике не только в России, но и в европейских странах по причине своего кабинетно-мечтательного характера: «Фурьеризм — система мирная; она очаровывает душу своею изящностью, обольщает сердце (...) любовью к человечеству (...) как ни изящна она, она все же утопия, самая несбыточная (...). Нет системы социальной, до такой степени осмеянной, (...) непопулярной, освистанной, как система Фурье на Западе (...). Что же касается до нас, до России, до Петербурга, то здесь стоит сделать двадцать шагов по улице, чтоб убедиться, что фурьеризм на нашей почве может только существовать или в неразрезанных листах книги, или в мягкой, незлобивой, мечтательной душе, но не иначе как в форме идиллии или подобно поэме в двадцати четырех песнях в стихах» (18, 133). Сравнения системы утопического социализма с идиллией или поэмой особенно подчеркивает ее поэтический характер в восприятии молодого Достоевского. Это находит подтверждение в поэтике его ранних произведений, особенно в романе «Бедные люди». Не менее важной является и мысль писателя о чуждости любой западной доктрины основам русского национального бытия, подвергнутая им ранее тщательному художественному осмыслению в повести «Хозяйка» (1847).

Многие исследователи считают неискренними показания Достоевского на следствии, мотивируя это тем, что петрашевцы пытались смягчить или даже скрыть некоторые неизвестные П. Д. Липранди аспекты их деятельности.⁶ Однако изначальноную диалектичность взглядов писателя подтверждают документальные факты разных уровней, от проблематики и художественной струк-

⁵ Литературные салоны и кружки. М.; Л., 1930. С. 469.

⁶ Кирпотин В. Я. Достоевский. С. 429—432; Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 50—63.

туры его произведений 1840-х гг. до воспоминаний близко знавших его людей.⁷

Некоторые сведения по этому вопросу содержатся в мемуарах С. Д. Яновского и А. П. Милюкова.⁸ Часто их свидетельства считаются не вполне достоверными. По мнению Р. Н. Поддубной, Яновский был достаточно далек от политических дискуссий в кружке Майковых (в которых Достоевский принимал активное участие), а значит не мог достоверно изложить существовавшую картину.⁹ А. С. Долинин в статье «Достоевский среди петрашевцев» высказал мнение о том, что Милюков необъективен в оценке политических взглядов молодого Достоевского и пытается «привести их в соответствие с его более поздними почвенническими убеждениями».¹⁰

В письме к Анне Григорьевне, написанном по прочтении первого тома посмертного собрания сочинений,¹¹ где были опубликованы материалы о жизни писателя, Яновский подчеркивает, что статьи О. Ф. Миллера, Н. Н. Страхова и В. Н. Буренина страдают неточностью. «Многие из хороших русских людей думают, и думают серьезно, что Федор Мих(айлович) из ссылки возвратился другим; каким-то очищенным и таким гуманным, каким явился он в последних своих произведениях (...) Федор Михайлович, и в то время, когда он писал „Бедных людей“, и в то время, когда он сблизился со мной до отношений дружеских, посещал меня решительно каждодневно, и, наконец, тогда, когда он *был арестован, был точно такой же*, каким он возвратился из Сибири и каким он сошел в могилу (...) он, и бывая у Петрашевского и у Дурова и даже последнее время перед арестованием у Спешнева — революционером никогда не был».¹²

Чуждость молодого Достоевского радикальным идеям изменения мироустройства подчеркивает и Милюков. Описывая взгляды писателя, он приводит его высказывание о том, что «народ наш не пойдет по следам европейских революционеров и, не веря в новую пугачевщину, будет терпеливо ждать решения своей судьбы от верховной власти (...) ни в какой иной путь он не верит».¹³ Далее Милюков свидетельствует о том, что уже в эти годы Достоевский

⁷ Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л., 1964. С. 20, а также: 18, 331—332.

⁸ Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском // Русский вестник. 1885. № 4. С. 796—819; Письма С. Д. Яновского к Ф. М. и А. Г. Достоевским // Достоевский. Статьи и материалы. М., 1924. Сб. 2. С. 365—396; Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 167—249.

⁹ См.: Поддубная Р. Н. Бекетовско-майковский круг в идейных исканиях Ф. М. Достоевского 40-х годов // Освободительное движение в России. Саратов, 1978. Вып. 8.

¹⁰ См.: Долинин А. С. Достоевский среди петрашевцев // Звенья. 1936. Т. 6. С. 529.

¹¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1883.

¹² Письма С. Д. Яновского... С. 391—392.

¹³ Там же.

утверждал необходимость поиска самобытного пути преодоления кризиса, основанного на традициях народной жизни: «...мы должны искать источники для развития русского общества не в учениях западных социалистов, а в жизни и вековом историческом строе нашего народа, где в общине, артели и круговой поруке давно уже существуют основы, более прочные и нормальные, чем все искания Сен-Симона и его школы (курсив мой. — О. С.). Он говорил, что жизнь в икарийской коммуне или фаланстере представляется ему ужаснее и противнее всякой каторги».¹⁴

Таким образом, свидетельства Яновского и Милюкова совпадают со взглядами Достоевского, отраженными в материалах следствия. Но самым важным аргументом, наиболее свободным от тенденциозной субъективности, говорящим об истинности и непредвзятости этих документов, является творчество писателя 1840-х годов. При анализе его проблематики становится очевидно, что уже в это время писателю присущи диалектический подход к рассмотрению важнейших вопросов современной жизни, отказ от крайностей «славянофильства и западничества, как замкнутых идеологических систем, предполагавших четкое разделение людей на „наших” и „не наших” и канонизировавших свои опорные постулаты, по отношению к которым... не допускалось ни сомнения, ни иронии».¹⁵ Достоевский объединяет представление о самобытности исторических традиций и особой духовности русского народа с признанием величия европейской культуры, пониманием необходимости разумного восприятия всего лучшего, что накоплено веками развития западной цивилизации.

Еще в романе «Бедные люди», ставя проблему социального зла и несовершенства буржуазного мира, Достоевский создает свою модель земного рая, идеала будущей жизни, выступая здесь подобно авторам социальных утопий. Это отвечало эстетическим требованиям В. Н. Майкова, считавшего, что в художественном произведении критика окружающей действительности должна сопровождаться изображением образа идеальной модели бытия.¹⁶ Создавая свою «утопию», Достоевский наполняет ее несколько иным смыслом. Он не рисует фантастических и немислимых моделей общественного устройства. Серым, безрадостным картинам петербургской жизни он противопоставляет размеренную и естественную сельскую жизнь по законам природы, в гармонии со всем окружающим миром.¹⁷ Именно так видит идеальную картину человеческого бытия героя романа Варенька, насильственно вырванная из этого земного рая и задавленная тяготами отчужденной

¹⁴ Там же. С. 180—181.

¹⁵ *Осват Л. А.* К изучению почвенничества: (Достоевский и Ап. Григорьев) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 146.

¹⁶ *Майков В. Н.* Критические опыты. СПб., 1891. С. 300

¹⁷ Этот аспект в контексте библейских мотивов рассматривает В. Е. Ветловская (см.: *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». С. 66—68).

жизни буржуазного города. Авторский замысел здесь совершенно прозрачен. В рамках одного предложения Достоевский сталкивает картины сельской и городской жизни. Резкость и очевидность контраста подчеркивают основную идею: «Когда мы оставляли деревню, день был такой светлый, теплый, яркий; сельские работы кончались; на гумнах громоздились огромные скирды хлеба и толпились крикливые стаи птиц; все было так ясно и весело, а здесь, при въезде нашем в город, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть и толпа новых, незнакомых лиц, негостеприимных, недовольных, сердитых (...). И мне кажется, я бы была счастлива, если бы пришлось хоть всю жизнь не выезжать из деревни» (1, 27). Идеал Вареньки непосредственно основан на исконных особенностях русской национальной жизни, на тех самых «общине, артели и трудовой поруке», к которым, по словам Милюкова, Достоевский предлагал обратить внимание в поисках путей преобразования действительности. Таким образом, уже в самом начале своего творческого пути в поисках модели идеального мироустройства в дневнике Вареньки Доброселовой писатель обращается к осмыслению самобытных традиций русского национального бытия, к осознанию необходимости возвращения к основам естественной, веками складывавшейся жизни. И община, по сути своей лишенная всякого индивидуализма, что подчеркивает писатель в этом кратком и емком противопоставлении, основанная на идее братства, оказалась здесь не только вполне приемлемым, но и наиболее удачным вариантом модели земного рая, поскольку удовлетворяла требованиям утопических теорий к характеру человеческих отношений и была при этом вполне реальна. Утопическая идея единства и равенства всех людей получает в общине возможность реального воплощения, и это становится как бы залогом будущности этой общественной системы. Важность этой идеи для мировоззрения Достоевского тех лет подтверждается глубиной ее проникновения в поэтику романа. Писатель закрепляет ее не только в содержании, но и на уровне художественной формы. Рисуя картину идеальной жизни, Достоевский обращается к традициям идиллии, что особенно подчеркивает функцию этих фрагментов в структуре романа, реализуя идею золотого века на формальном уровне.¹⁸ Не случайно Варенька называет свое детство не иначе как «золотое детство».

Обращение к традициям народной жизни, поиск идеала в основах национального бытия представляются очень органичными и закономерными для мировоззрения молодого Достоевского, выросшего в патриархальной семье и хорошо знавшего народный быт, что неоднократно отмечалось самим писателем и близко знав-

¹⁸ См.: *Седельникова О. В.* Об антологической природе социальной утопии в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Проблемы литературных жанров. Томск, 1999. Ч. 1. С. 273—279.

шими его людьми (25, 172).¹⁹ Эти особенности детских лет жизни, живые впечатления которых составляют важный элемент в мировосприятии любого человека, подспудно оказывали значительное воздействие на его жизненную позицию. И здесь очень показательными представляются слова Достоевского, связанные с осмыслением семейной трагедии и обращенные к брату Михаилу Михайловичу еще в 1839 году: «...есть ли в мире несчастнее наших бедных братьев и сестер? Меня убивает мысль, что они на чужих руках будут воспитаны. А потому мысль твоя, получивши офицерский чин, ехать жить в деревню, по-моему, превосходна. Там бы ты занялся их образованием, милый брат, и это воспитанье было бы счастье для них. Стройная организация души среди родного семейства, развитие всех стремлений из начала христианского, гордость добродетелей семейственных, страх порока и беславия — вот следствия такого воспитанья. Кости родителей наших уснут тогда спокойно в сырой земле» (28₁, 62). П. П. Семенов-Тянь-Шанский, посещавший собрания Петрашевского и общавшийся там с Достоевским, подчеркивал, что «деревня оставила на всю его жизнь неизгладимые впечатления и уже в 1840-е годы он был близок крестьянам, их быту и всему нравственному облику русского народа». ²⁰ В конце 1840-х годов этот интерес Достоевского к народной жизни усиливается под влиянием широкого общественного интереса к общине, появления книги Гакстгаузена «Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России» (1847), который в 1842—1844 годах путешествовал по России и изучал особенности русской жизни. Более всего внимание немецкого этнографа привлекла сельская община как элемент самобытный, чуждый германским народам. Гакстгаузен усмотрел в ней очень плодотворное, здоровое начало, способное предохранить Россию от появления пролетариата и тем самым застраховать ее от европейских проблем. ²¹ Идеи немецкого исследователя получили значительный резонанс в русском обществе, существенно усилив внимание к этому явлению национальной жизни, и, разумеется, не могли обойти Достоевского. Среди петрашевцев ими особенно заинтересовались теоретики фурыеризма. ²²

Сущность общественных взглядов молодого Достоевского и глубина осознания им важнейших проблем русской жизни ярко проявились в его повести 1847 года «Хозяйка». В символической струк-

¹⁹ *Миллер О. Ф.* Материалы для биографии Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 12—17.

²⁰ *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Из «Мемуаров» // Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1990. С. 299.

²¹ Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. 14. С. 884—885.

²² *Миллер О. Ф.* Материалы для биографии Достоевского. С. 92.

туре образов этого произведения писатель ставит проблему отношений между народом, живущим согласно вековым традициям национального бытия, и интеллигенцией, замкнувшейся в своем мире идей, далеких от национальных интересов. Герой повести, Ордын, заняв созданием какой-то таинственной и туманной системы, опираясь на которую он надеется гармонизировать общественные отношения. В его образе Достоевский особенно стремился подчеркнуть одиночество, чуждость всему и абсолютную оторванность от окружающей жизни. В связи с этим актуализируется мотив схимничества, затворничества, святого служения науке. Исследователи, занимавшиеся анализом эпизодов, свидетельствующих о характере ордынских разысканий, приходят к выводу, что он создает «социально-религиозную систему, по-видимому в духе утопического социализма 1840-х годов».²³ Но мечтатель-утопист, оторванный от национальных основ, терпит фиаско, сталкиваясь со стихией народной жизни. Этот момент сюжетного развития очень важен для Достоевского. Он тщательно готовит и подробно описывает крушение идей мечтателя и следующее за этим его духовное оцепенение. Поражение Ордынова, страстно мечтавшего изменить мир и положившего на создание своей системы все силы, символически воплощает мысль писателя о чуждости, несовместимости западных социальных теорий с вековыми основами русского бытия.

Однако, изображая процесс поражения интеллигента-мечтателя в столкновении со стихией живой народной жизни, Достоевский отнюдь не склонен идеализировать и саму народную жизнь, обнаруживая, таким образом, диалектический подход к проблеме объединения отчужденных друг от друга слоев русского общества. Восстановление взаимосвязи между ними возможно лишь при условии слияния всего лучшего, что есть у обеих сторон. Интеллигенция должна воспринять от народа потерянную ею связь с «почвой», а народ — получить знания, открыть для себя лучшие достижения европейской культуры. По сути дела, в образной структуре «Хозяйки» Достоевский уже в 40-е годы излагает основы концепции почвенничества. В повести создается противоречивый, неоднозначный образ народа, Катерина и Мурин представляют собой два противоположных полюса — духовную чистоту и нравственную бездну. «Слабое» сердце Катерины именно в силу своей непросвещенности, суеверности не может противостоять таинственной власти темной силы раскольника Мурина и его старых книг, хотя и чувствует ее губительный характер. Художественная структура «Хозяйки» свидетельствует о том, что уже в 40-е годы Достоевский

²³ Щенников Г. К. Синтез русских и западноевропейских литературных традиций в характерологии Достоевского // Творчество Достоевского — искусство синтеза. Екатеринбург, 1991. С. 38—39. См. также: Аврамец И. А. Мифологические мотивы в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана : Сб. статей. Тарту, 1992. С. 148—160.

приходит к мысли о необходимости возврата интеллигенции к национальной почве и поиска нацией своего собственного пути, основанного на традициях народной жизни. Эта идея настолько увлекает писателя, что для наибольшей наглядности и убедительности при обрисовке противоположных жизненных стихий он активно использует фольклорные мотивы и образы, вызывая жесткую критику Белинского, не разглядевшего в этой «...загадке его причудливой фантазии (...)» покрытой лаком русской народности»²⁴ истинного замысла автора.

О глубине интереса молодого Достоевского к русской истории свидетельствует его внимание к теме религиозного раскола (1, 508),²⁵ причем к наиболее крайним и резким формам его. В этом плане текст «Хозяйки» достаточно прозрачен. Мурин и Катерина появляются в приходской церкви, а старообрядцы, как известно, посещают свои церкви, в отличие от сектантов, часто бывавших усердными прихожанами обыкновенных православных церквей.²⁶ О принадлежности героев к раскольничьей секте говорит и их чрезмерная экзальтация, как раз свойственная представителям крайних сект, а не старообрядцам. Обращение к теме религиозного раскола в общем контексте внимания молодого Достоевского к самобытным проявлениям в жизни русского народа свидетельствует, на наш взгляд, о его стремлении постичь глубинный смысл исконных противоречий русской души, понять их бытийную основу. Для писателя, видимо, было особенно важно то, что раскол явился результатом духовного движения русского народа, с которым, как можно заключить из художественной структуры «Хозяйки», он связал феномен широты национальной души, крайности ее конкретных проявлений. Если в 60-е годы Достоевский называл раскол «самым крупным явлением русской жизни», отразившим «страстное стремление» русского народа «к истине, глубокое недовольство действительностью» и «лучший залог надежды на лучшее будущее в русской жизни» (20, 21), то «Хозяйка» демонстрирует сложный подход к осмыслению этой темы. Здесь сектантство оказывается не столько крайней формой проявления свободолюбивых тенденций в народной жизни, отрицанием власти официальной церкви и государственного управления,²⁷ сколько одним из источников противоречивости национальной души и темноты народа, погрязшего в суеверии и мистицизме.

²⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953—1959. Т. 10. С. 351.

²⁵ См.: Волгин И. Л. Родиться в России. М., 1991. С. 265. О непосредственном стремлении молодого Достоевского к «сближению с раскольниками» см.: Миллер О. Ф. Материалы для биографии Достоевского. С. 87.

²⁶ Мельников П. И. Белые голуби // Русский вестник. 1869. № 5—6. С. 224—225.

²⁷ Эта идея подспудно присутствует в статье Достоевского «Два лагеря теоретиков» (20, 5—22); ее же выделял в расколе и А. Шапов в напечатанной во «Времени» статье «Земство и раскол. Бегуны» (Шапов А. Земство и раскол. Бегуны // Время. 1862. № 10. С. 320).

Говоря о своеобразии мировоззрения раннего Достоевского, необходимо отметить, что в отрицании возможности использования политического опыта европейской истории и утверждении необходимости обращения к исконным традициям жизни русского народа он не является последователем ранних славянофилов,²⁸ а формирует свою диалектическую точку зрения, подвергая критическому переосмыслению все важнейшие идеи времени и выбирая приемлемое для себя. Основу его убеждений составляют идея самобытного пути развития русской нации и признание великих культурных достижений европейской цивилизации. Наследие 1840-х годов свидетельствует о сложном, полемическом отношении Достоевского к основным идеям ранних славянофилов. Разделяя их уверенность в необходимости опоры на национальные традиции, интерес к общине и к другим характерным явлениям народного бытия, он расходится с ними в восприятии народа.²⁹ Если славянофилы видят в народе только положительные начала, то Достоевский в «Хозяйке» со всей определенностью заявляет о противоречивости народной души, о необходимости просветления ее от мрака необразованности. Мурин овладевает духовным миром Катерины, опираясь на ее незнание. Благодаря этому его кабалистика достигает такого сокрушительного результата. Народ находится в плену предрассудков, чтобы освободить его от этого, необходимо обогатить его ценностями европейской культуры, излечить его душу от мистицизма реальным практическим знанием.

Не соглашается Достоевский и со славянофильской оценкой петровских реформ и всей послепетровской истории России. В «Петербургской летописи» в фельетоне от 1 июня он спорит с идеями Кюстина, высказанными им в книге «Россия в 1839 году» (18, 24—25). Вслед за Белинским³⁰ писатель опровергает его взгляд на роль Петербурга и реформу Петра,³¹ сравнивая при этом позицию француза со взглядами славянофилов (18, 24—25) и втягивая их тем самым в орбиту своей полемики. Достоевскому дорог Петербург. «Здесь всё хаос, всё смесь; (...) но зато все жизнь и движение» (18, 26). Петербург — это сама живая жизнь, бурлящая и изменяющаяся, воспринимающая все лучшее в наследии европейской культуры (автор перечисляет разнообразные архитектурные стили, создающие неповторимый облик Северной столицы (18, 26)). И в этой

²⁸ О воздействии на Достоевского идей ранних славянофилов см.: Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л., 1964. С. 20; *Основат А. Л. Достоевский и раннее славянофильство* // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1975. Т. 2. С. 175—178.

²⁹ См. об этом: *Основат А. Л. К изучению почвенничества: (Достоевский и Ап. Григорьев)* // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 148

³⁰ *Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 691—692.*

³¹ См. об этом: *Нечаева В. С. Ранний Достоевский. М., 1971. С. 216; Кийко Е. И. Белинский и Достоевский о книге Кюстина «Россия в 1839 году»* // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 189—199; 18, 220.

динамике, в этом поступательном движении, в этой открытости всем ветрам, всеотзывчивости и всевосприимчивости Достоевский видит залог будущей гармонии. Мысль автора о необходимости соединения двух начал — традиций народной жизни и лучших достижений европейской культуры — глубоко отразилась в поэтике фельетонов. Через все четыре очерка проходит противопоставление: Петербург—Россия, направленное против эпической широты и цельности русской жизни. Но при этом все стремится к гармонии и единству, все жизненные начала стремятся к Петербургу и получают там развитие, унылый мотив русской песни звучит сквозь мелодию «Берлиозова бала у Капулетов» (18, 22—23), и это смешение подчеркивает убеждение автора в возможности и необходимости объединения русских традиций и европейского наследия.

Таким образом, уже в 1840-е годы Достоевский обнаруживает диалектичность своей общественной позиции, которая формируется под воздействием разнообразных, порой противоречащих друг другу влияний. В детстве он воспитывался в патриархальной семье, исповедывавшей идеалы православия и монархизма. Жизнь в деревне дала возможность узнать народный быт и характеры.³² Чтение романов Ж. Санд, а затем кружки Белинского и Петрашевского заостряют в сознании Достоевского социально-демократическую проблематику, знакомят с новейшими утопическими теориями. Однако вопреки содержащейся в них радикальной идеологии в сознании Достоевского уже в эти годы формируются основы будущего почвенничества. В этом отношении, на наш взгляд, большую роль сыграло его участие в кружке Майковых, куда он впервые попал в начале 1846 года, во время назревающего конфликта с кружком Белинского (28, 131, 134, 139—140). Дискуссии, происходившие в доме Майковых, во многом повлияли на взгляды Достоевского, на его мировоззрение, отразившись в особенностях проблематики и поэтики произведений тех лет (а среди них «Петербургские летописи», «Хозяйка», «Неточка Незванова», предопределившие особенности его зрелого творчества). Писатель обращается к новому для него образу героя времени, полного противоречий и склонного к постоянной рефлексии, мечтающего о лучшем будущем, что соответствовало новейшим эстетическим требованиям В. Н. Майкова. Вместе с Белинским они первыми из критиков 1840-х годов пришли к пониманию необходимости перехода от быто- и нравоописания к социально-психологическому анализу окружающей жизни и изображению сложных процессов, порожденных ею в душе современного человека.³³ И здесь позиция Достоевского оказывается близкой авторской позиции А. Н. и

³² *Миллер О. Ф.* Материалы для биографии Достоевского. С. 12—17; *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Воспоминания // Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 299.

³³ *Майков В. Н.* Литературная критика. Л., 1985. С. 108.

Е. П. Майковых, Гончарова и других участников кружка, в произведениях которых идея своеобразия русской жизни во всей широте ее проявления становится важнейшей детерминантой характеров, мировоззрения и поступков героев. Влияние этой идеи особенно ярко проявляется в «Петербургской летописи» и «Хозяйке», работа над которыми шла в одно время.³⁴ Важно, что Достоевский сам демонстрирует это влияние. В фельетоне от 11 мая, рассуждая о специфике русского национального бытия, он цитирует отрывок из поэмы Майкова «Две судьбы» (18, 22—23), усиливая тем самым национальный мотив и придавая проблеме эпическую широту и философское звучание.

Понимание своеобразия русской национальной жизни, различия путей исторического развития России и Европы было одной из основ, определяющих суть общественных взглядов участников кружка. Современное экономическое и политическое положение России рассматривалось ими крайне критически и поэтому вопрос о возможных путях реформ был актуален, тем более что среди участников кружка были такие крупные государственные чиновники, как В. А. Солоницын, правитель канцелярии департамента внешней торговли Министерства финансов, и известный экономист М. П. Заблоцкий-Десятовский, один из основоположников нового практического направления русской политэкономии, непосредственно обращенного к насущным проблемам буржуазного развития России. Его работы «О крепостном состоянии в России» (1841) и «Причины колебания цен на хлеб в России» (1847), основанные на глубоком статистическом исследовании реальных фактов, рассматривают крепостное право в качестве основной причины коренных экономических и политических проблем русской жизни и подчеркивают прямую зависимость идейных столкновений от общественного застоя и крайней реакционности государственного устройства. Исследователи отмечают, что статьи Заблоцкого «сыграли наибольшую роль (и по заслугам!) среди этой разоблачительной (антикрепостнической. — О. С.) литературы».³⁵ Работы эти высоко ценились всеми прогрессивными умами России. В. Г. Белинский в «Обзоре литературы за 1847 год» писал о «Причинах колебания цен на хлеб», что «статья эта, без сомнения, принадлежит к замечательнейшим явлениям нашей ученой литературы прошлого года».³⁶ Как подцензурное руководство к действию статьи Заблоцкого принимались в кружке Петрашевского. Записка «О крепост-

³⁴ Комарович В. Л. Петербургские фельетоны Достоевского // Фельетоны 40-х годов. М.; Л., 1930. С. 106—107; Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821—1849. М., 1979. С. 225—228.

³⁵ Штейн В. М. Очерки развития русской экономической мысли XIX—XX вв. М., 1948. С. 100.

³⁶ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу в 1847 году // Полн. собр. соч. Т. 10. С. 354.

ном состоянии в России» несла настолько острый политический смысл, что о ней даже не осмелились доложить государю, а в процессе петрашевцев ее наличие у подследственных было одним из серьезнейших отягчающих обстоятельств.³⁷

К середине 1840-х годов, когда Достоевский начал посещать дом Майковых, инициативу старших перехватило молодое поколение во главе с В. Н. Майковым и В. А. Милутиным, ставшими генераторами важнейших идеологических позиций кружка. Они обратили общий интерес к серьезному изучению естествознания, политэкономии, философии и социальной науки с точки зрения их практического использования в России.³⁸ Принципиальным моментом является интерес не к науке вообще в ее чисто теоретическом смысле, а практическое применение современных теорий для гармонизации общественных отношений и максимального улучшения бытовых условий жизни. В одной из своих статей В. Н. Майков определяет науку «как (...) средство осмыслить и ублажить существование человека на земле».³⁹ Вращаясь в кружке, Достоевский впитывает этот широкий энциклопедизм интересов и практическое отношение к научному знанию.

Однако при всем внимании к новейшим достижениям европейского прогресса общественную позицию участников кружка нельзя охарактеризовать как западническую. Как и во всем другом, здесь нет непримиримого противостояния идей самих по себе. Мысль о необходимости переосмысления и использования передового европейского опыта не имеет самодовлеющего характера. Она всегда соотносится с традиционными особенностями русского национального бытия, выработанного веками исторического развития под влиянием местных геоклиматических условий и тщательно анализируется с точки зрения их адекватности. Постоянная оглядка на традиции является для них принципиальным моментом и соотношение теории с традицией становится мерилем приемлемости любой европейской доктрины. Очевидно, что уже в начале 1840-х годов вопрос об отношениях России и Европы активно обсуждается в кружке⁴⁰ и традиционные русские крайности, выражающиеся в максимализме

³⁷ Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 294, 303, 584.

³⁸ *Евстратов Н. Г.* Гончаров на путях к роману // Учен. зап. Уральского пед. ин-та. Уральск, 1955. Т. 2. Вып. 6. С. 178; *Поддубная Р. Н.* Бекетовско-майковский круг в идейных исканиях Достоевского 40-х годов.

³⁹ *Майков В. М.* Сочинения: В 2 т. Киев, 1901. Т. 2. С. 282.

⁴⁰ Об этом свидетельствует переписка Майковых друг с другом и с ближайшими друзьями: В. А. Солоницыным, М. П. Заблоцким-Десятовским в 1843—1844 годах, когда Майковы путешествовали по Европе. Солоницын так описывает им цель своей поездки: «Задачей моего путешествия будет именно вопрос: как применяется западная европейская жизнь к русской голове, к русским плечам и к русскому брюху» (*Евстратов Н. Г.* Гончаров на путях к роману. С. 175). Тема отношений России и Европы обсуждалась и в письмах М. П. Заблоцкого-Десятовского к А. Н. Майкову (ИРЛИ, № 16797, л. 1 об., 2 об.—3, 6—6 об., 12 и др.).

зарождающихся западничества и славянофильства, не устраивают его участников как любое отрицание, не проникающее в суть явления. Письмо М. П. Заблоцкого-Десятовского (младшего брата экономиста) к А. Н. Майкову от 11 ноября 1842 года свидетельствует об активном обсуждении этого вопроса в кружке и особенно подчеркивает неприятие крайних суждений, основанных на поверхностных впечатлениях и не обремененных анализом фактов: «Ты приписал как недостаток русскому народу то, что мы смотрим на себя уж слишком скромно, может быть, унижительно. Вполне соглашаюсь с тобой, и особенно с некоторого времени, вникая в некоторые мнения о России. Но должен сказать, душа моя, что у нас существует в этом отношении две крайности: одни, считая превосходным только русское и смотря на Запад как на развалину, видят только в первом источник спасения; другие, не зная глубоко всего русского, и в особенности русского народа, и не видав собственными глазами Запада, а только зная его из книг, во всяком случае, зная по преимуществу только лучшую его сторону, смотрят на Запад как на единственный источник нашей жизни».⁴¹ Установка на основательную проработку вопроса с учетом мельчайших деталей и подробностей определяет подход к любой проблеме. Это является отправной точкой как при написании научной статьи, так и при создании художественного произведения. Все должно быть обосновано и выверено, только тогда утверждение будет звучать убедительно. Исходя из этой позиции, В. Н. Майков критиковал статьи Белинского, избобилующие эмоциями и нередко допускающие отсутствие последовательных доказательств тех или иных утверждаемых тезисов. Майков обвиняет Белинского в диктаторстве; по его мнению, это элементарное неуважение к читателю, которому навязывается суждение и не дается возможности проверить его истинность. Серьезное изучение материала при подготовке к созданию художественного произведения стало важнейшей особенностью творческой лаборатории Достоевского, о чем свидетельствуют черновые тетради и письма. А в конце жизни он обращается к созданию «Дневника писателя», ставшего для него средством глубокого осмысления событий текущей действительности, возможностью классифицировать явления и выявлять наиболее актуальные проблемы. Такое же отношение к материалу отличает и творческую лабораторию А. Н. Майкова.⁴²

В. Н. Майков в «Критических опытах» обосновывает мысль о том, что для правильного и гармоничного общественно-экономи-

⁴¹ *Евстратов Н. Г.* Гончаров на путях к роману. С. 179—180.

⁴² См. об этом: *Златковский М. Л.* А. Н. Майков. Биографический очерк. СПб., 1888. С. 49—52; *Уманец С. И.* Из воспоминаний об А. Н. Майкове // *Ист. вестник.* 1897. № 5. С. 466—467; А. Н. Майков. Письма к Достоевскому // *Достоевский. Статьи и материалы.* Сб. 2. Л.; М., 1924. С. 343; *Майков А. Н.* Избранные произведения. Л., 1977. С. 846—847. (Б-ка поэта. Большая сер.).

ческого развития России необходим тщательный анализ опыта европейской цивилизации вообще. Но при этом очень важное, чуть ли не первоочередное значение имеет его критическое осмысление этого опыта с точки зрения его адекватности традициям русской жизни: «Мы вышли уже из того периода, когда нас можно было назвать рабскими последователями Запада. Мы легко уже понимаем односторонность разных народов старой Европы: следовательно, мысль наша требует самостоятельности».⁴³ Творчество Достоевского 1840-х годов и материалы следственной комиссии обнаруживают, таким образом, влияние общественной позиции кружка Майковых на мировоззрение писателя.

Видимо, во многом под влиянием А. Н. Майкова⁴⁴ углубляется интерес Достоевского к русской истории. В их переписке 1867—1871 годов, вызванной граничными скитаниями писателя и невозможностью личного общения, теме русской истории и отношений России и Европы отводится значительное место. Анализ писем позволяет говорить о серьезном внимании Достоевского к точке зрения друга, более того, он видит в Майкове человека, не только хорошо знакомого с историческими событиями, но и тонко чувствующего суть процессов отечественной истории, способного правдиво передать их в художественных образах (28₂, 259, 282; 29₁, 39). В ответе на письмо Майкова, рассматривая основную идею его поэмы «Клермонтский собор», он подчеркивает: «Я всегда разделял именно эти же самые чувства и убеждения. Россия, долг, честь? — да! Я всегда был истинно русский — говорю Вам откровенно (...) Да! Разделяю с Вами идею, что Европу и назначение ее *окончит Россия*. Для меня это давно было ясно (...). Уверяю Вас, что я, например, до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, — это был русский народ, мои братья по несчастью, и я имел счастье отыскать не раз даже в душе разбойника великодушие, потому, собственно, что мог понять его, ибо был сам русский. Несчастье мое дало мне многое узнать практически, может быть, много влияния имела на меня эта практика, но я узнал практически и то, что я всегда был русским по сердцу (...) не мог не рассказать; это оттого, что я заговорил с Вами и вспомнил наше старое, незабвенный друг мой» (28₁, 208—209).

⁴³ Майков В. Н. Сочинения. Т. 2. С. 47.

⁴⁴ А. Н. Майков с молодости серьезно интересовался вопросами русской и славянской истории. Результатом его студенческих научных изысканий стала диссертация «О характере первоначальных законов по источникам славянского права», принесшая ему звание первого кандидата Петербургского университета и обратившая научное внимание к вопросам славянской истории. По мнению современников, громадной заслугой было уже то, что она открыла собою целый ряд дальнейших университетских работ по славянской истории и славянскому праву. Профессор Баршев заметил по поводу диссертации Майкова, что в ней «много любопытного и нового» (См.: Майков А. Н. Его жизнь и сочинения : Сб. историко-литературных статей. М., 1904. С. 12—13).

Именно под влиянием А. Н. Майкова Достоевский в 1840-е годы начинает интересоваться журналом «Москвитянин»,⁴⁵ воспринимает некоторые идеи ранних славянофилов, а главное, знакомится с историческими статьями М. П. Погодина. В позднем письме к своему биографу Майков особо подчеркивает влияние идей Погодина на развитие собственных взглядов: «...познакомился я с молодой редакцией „Москвитянина“ (...) с самим Погодиным, со славянофилами. Здесь показалось мне больше правды, чем в западническом наклоне; но приняв кое-что из идей старых славянофилов, я не мог принять вполне их учения (...) почуя в них историческую правду, но отверг выводы как фантастические и отвергающие историю, а в ней и целую российскую империю».⁴⁶ «Отрицание Петра и его реформ, вырвавших нас из узкого круга Московской Руси, было мне не по душе (...) надеть на себя старинный кафтан боярина, забиться в пыль московской старины, кончать историю Алексеем Михайловичем и ставить крест на всем, что сделано великим Петром и после него, упорно заколачивая „окно в Европу“, — мне всегда казалось это абсурдом, заблуждением».⁴⁷ «На почве славянофилов, но с твердою идеей государства и с полным признанием послепетровской истории были тогда Погодин и Катков. Это цельно, это органически разумно, и это меня сблизило с ними».⁴⁸ Под влиянием общения с А. Н. Майковым идеи Погодина осмысливаются Достоевским и корректируют его позицию. Со всей очевидностью это проявляется при сопоставлении последнего фельетона «Петербургской летописи» со статьями Погодина середины 40-х годов, в частности, со статьей «За русскую старину».⁴⁹ Прежде всего их объединяет положительное отношение к Петру и петровским реформам, а также видение будущего России в обращении к исконным традициям национального бытия.⁵⁰ Размышления Достоевского о различии путей исторического развития Европы и России в объяснении следственной комиссии близки к тем выводам, которыми Погодин завершает свое сопоставление фактов европейской и русской истории в статье «Параллель русской истории с историей западноевропейских государств относительно начала».⁵¹ Достоевский пишет: «Я, может быть, еще объясню себе революцию западную и историческую необходимость тамошнего современного кри-

⁴⁵ Майков сам подчеркивал роль «Москвитянина» в становлении его мировоззрения, во вдумчивом интересе к русской истории. См. об этом: письмо А. Н. Майкова к П. А. Висковатову (*Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев.* М., 1971. С. 264—268); *Златковский М. Л. А. Н. Майков.* С. 17; *Уманец С. И. Из воспоминаний об А. Н. Майкове.* С. 463.

⁴⁶ *Златковский М. Л. А. Н. Майков.* С. 41—42.

⁴⁷ *Уманец С. И. Из воспоминаний об А. Н. Майкове.* С. 463.

⁴⁸ *Златковский М. Л. А. Н. Майков.* С. 42.

⁴⁹ *Москвитянин.* 1845. № 3. С. 27—32.

⁵⁰ Ср. фельетон от 1 июня со статьей Погодина «За русскую старину» (там же).

⁵¹ *Москвитянин.* 1845. № 1. Отд. 5. С. 1—18.

зиса. Там несколько столетий, более тысячелетия длилась упорная борьба общества с авторитетом, основавшимся на чуждой цивилизации завоеванием, насилием, притеснением. А у нас? И земля-то наша сложилась не по-западному! У нас исторические примеры перед глазами» (18, 123). Приводя примеры из русской истории, Достоевский подчеркивает, что жизненным началом всего исторического бытия России была тенденция к объединению, народная любовь и уважение к царской власти, которая единственная может быть источником реформ. А далее, анализируя фурьеризм, он особенно подчеркивает, что итоговое отличие русской истории от европейской в отсутствии пролетариев (18, 134) как продукта завоевательного исторического процесса. И здесь Достоевский близок к идеям Погодина, утверждавшего, что «западные европейские государства обязаны происхождением своим завоеванию, которое и определило всю последующую их историю, даже до настоящего времени». ⁵² Это, по его мнению, оказывается причиной всей последующей борьбы, результатом которой стала революция 1789 года и последующее появление пролетариата, приведшее к революционным событиям 40-х годов. ⁵³ «А наше государство началось не вследствие завоевания, а вследствие призвания. Вот источник развития (...). В основе государства у нас была положена любовь, а на западе ненависть». ⁵⁴ Много лет спустя, в письме к А. Н. Майкову от 20 марта 1868 года Достоевский повторит слова Погодина, подчеркивая, что «любовное, а не завоевательное начало» (28₂, 280) есть основа русского государства. ⁵⁵

Таким образом, с полным основанием можно говорить о том, что уже в 1840-е годы общественную позицию Достоевского нельзя причислить к западническому или славянофильскому направлению. Чутко воспринимая весь диапазон идей времени, он вырабатывает свои собственные воззрения, лишенные крайностей и объединяющие все лучшее, что было накоплено веками исторического развития России и Европы. Он органично сплетает опыт, сформировавшийся в патриархальной семье, со взглядами Белинского, Погодина, Герцена, гуманистическими идеями европейской культуры, вбирая все веяния эпохи. В формировании такого диалектического подхода, как мы пытались показать, большое значение имело участие Достоевского в кружке Майковых, где он находил понимание и сочувствие своим убеждениям. Молодой писатель формирует свое представление о своеобразии русского национального характера и его тесной связи с особенностями национального бытия, запечатленное в художественных произведениях этих лет.

⁵² Там же. С. 1.

⁵³ Там же. С. 3.

⁵⁴ Там же. С. 4—5, 13.

⁵⁵ А. Л. Осповат считает, что эти слова Достоевского свидетельствуют о его знакомстве с идеями ранних славянофилов уже в 40-е годы // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 178.